

О.В. Большакова
ИНИОН РАН

УДК 94

МОСТ ЧЕРЕЗ АТЛАНТИКУ: АМЕРИКАНСКИЙ ЖУРНАЛ «КРИТИКА» И СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В ГОДЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: американская русистика; советская историография; холодная война; Русский исследовательский центр в Гарварде; история науки; методология истории; исторический источник; Ричард Пайпс.

В статье рассматривается история журнала «Критика», издававшегося в Гарвардском университете в 1964–1984 годах силами аспирантов Ричарда Пайпса. В нем публиковались расширенные рецензии на наиболее важные и новаторские книги, выходившие в СССР. Основное внимание уделяется значению журнала как источника по истории американской русистики и советской исторической науки, который позволяет рассмотреть взаимодействие двух разделенных «железным занавесом» историографий.

В 2000 году, на рубеже двух тысячелетий, американская русистика обогатилась новым периодическим изданием, что само по себе всегда является событием для научного сообщества. При университете Индианы начал издаваться журнал с русским названием «Критика» и подзаголовком «Исследования по истории России и Евразии». Однако свой путь новое издание начинало не с нуля: у него был предшественник – скромный журнал, выпускавшийся Русским исследовательским центром в Гарварде в 1964–1984 годах под руководством тогдашнего директора центра Ричарда Пайпса силами его аспирантов. В нем публиковались рецензии на «важные и новаторские» книги по истории России, которые все в большем количестве начали выходить в СССР и «обычно игнорировались в западных публикациях». Помимо чисто информационных целей, журнал преследовал и педагогические: дать аспирантам возможность овладеть основами профессии [25, р. 1; 27, р. 435]. С прошествием времени значение и функции гарвардской «Критики» расцениваются уже по-иному: во-первых, на страницах журнала историки получили «форум» для свободного обсуждения и оценки работ своих коллег. А во-вторых, публикуя рецензии на монографии, написанные на русском языке, «Критика» служила в те годы «мостом» между западной и советской историографией [24, р. 1]. Именно так охарактеризовали своего предшественника редакторы возобновленной «Критики» Майкл Дэвид-Фокс, Питер Холквист и Маршалл По в проспекте только еще планировавшегося издания, присланного Э. Кинану.

Что же собой представлял этот «мост» времен холодной войны, когда советская и западная историческая наука, казалось, были наглухо отделены друг от друга «железным занавесом»? И чем он может быть интересен для историка? Характеристика издания и выявление его потенциала как источника по истории науки, причем как американской, так и советской, – главная задача настоящей статьи.

Исторический контекст, в котором возник этот, безусловно, исключительно ценный источник, в общих чертах хорошо известен: конец 1950 – начало 1960-х годов ознаменовались в США взрывом интереса к СССР, что было вызвано не только общим «потеплением» в стране после разоблачения культа личности, но и ее научно-техническими достижениями. Многократно возросло число студентов и аспирантов, специализирующихся по русской истории, наблюдается бум на рынке труда для славистов, резко увеличивается количество научных центров по изучению СССР и стран Восточной Европы. Американская русистика, развивавшаяся после Второй мировой войны в рамках региональных исследований (area studies), конституируется как полноценная научная дисциплина. Никак не комментируя эту замечательно оптимистическую стандартную интерпретацию, в которой холодная война фактически оставлена «за кадром», выделим главное: чрезвычайно активную, динамичную научную жизнь.

В то же время и в СССР в годы хрущевской оттепели наблюдалось оживление в области исторических исследований. Выходит много серьезных и новаторских работ по истории России и СССР. Более того, в советской исторической науке начинают культивироваться научные дискуссии с западными историками, публикуются многочисленные рецензии и обзоры зарубежной историографии. В организованном в 1957 году журнале «История СССР» учрежден специальный раздел «История СССР за рубежом», однако цели и стиль советских публикаций далеки от научных и в духе холодной войны носят характер «разоблачительский» (1).

В этих условиях и задумывает свое, как тогда казалось, всего лишь педагогическое предприятие профессор Гарвардского университета Ричард Пайпс, у которого в начале 1960-х годов насчитывалось, как он вспоминает, более дюжины аспирантов [28, р. 94]. Публикуя рецензии на новейшие советские работы по русской истории, молодые ученые и аспиранты набирались бы необходимого опыта в научной и редакторской работе, расширяли бы свой кругозор, приобретали навыки критического разбора, которые помогли бы им в дальнейшей деятельности. Однако в кратком извещении о начале нового издания редакция называет только одну цель – знакомить научное сообщество Америки с наиболее интересными и актуальными публикациями на русском языке [14, р. 1].

Получив небольшой грант Русского исследовательского центра, коллектив аспирантов Пайпса в 1964 году начал выпускать журнал «Критика», который выходил небольшим тиражом сначала три, а затем два раза

в год. Обычно в номере помещалось 5–6 рецензий, а в его подготовке участвовали 12–15 авторов и 2–3 редактора, причем работа редколлегии строилась на принципе ротации. Каждая рецензия (которая значительно превышала стандартные нормы объема для рецензий в «толстых» исторических журналах и доходила до 1 печатного листа в принятом у нас исчислении) обсуждалась на заседаниях всего коллектива. Авторы не только давали в них свою оценку и достаточно нелицеприятную критику рецензируемых работ, но нередко подробно и аргументированно излагали свою собственную точку зрения на исследуемую проблему. В этом отношении значение публиковавшихся в «Критике» рецензий, и без того ценного жанра как источника по истории науки и идей, трудно переоценить. Они позволяют выявить, как на одни и те же проблемы русской истории смотрели специалисты по разные стороны Атлантики.

Тогдашние аспиранты Пайпса с удовольствием вспоминают горячие дискуссии, возникавшие по поводу той или иной книги или рецензии. Участие в работе над журналом действительно много дало им в научном плане. Многие из них к этому времени уже побывали на стажировке в СССР, завязали контакты с советскими историками, получали и сами привозили из Союза новые книги для рецензирования.

За 20 лет «Критика» опубликовала приблизительно 250 рецензий и множество аннотаций (этот жанр добавился в 1975 году), охватив практически все по-настоящему серьезные работы советских историков, а также откликнулась на ряд событий в культурной жизни СССР тех лет: прорецензировала фильмы («Андрей Рублев» Тарковского), романы («Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына) и воспоминания (Жукова). Как вспоминает Ричард Пайпс, это было «уникальное научное издание»: профессиональный журнал, издававшийся своими силами, причем на основе самообеспечения, поскольку у него набралось более пятисот подписчиков [28, р. 94].

Результаты и значение этого скромного по своим целям предприятия намного превзошли первоначальные ожидания профессора. С 1964 по 1984 год в издании журнала «Критика» приняли участие 85 человек, из них 62 человека стали профессорами университетов и колледжей, семеро сделали карьеру в правительственных учреждениях как специалисты по России, двое возглавляют крупные библиотечные коллекции по славистике, еще двое занимают административные посты в университетах (2). Среди авторов и редакторов журнала такие имена, как Эдвард Кинан, Дональд Островский, Дэниел Филд, Эбботт Глисон, Дэниел Орловски, Уильям Розенберг, Джозеф Брэдли, Уильям Фуллер, Нэнси Шилдс Коллман, Кэти Фрайерсон, Джейн Бербанк и многие другие видные историки-русисты. Таков педагогический и научный результат издания непритязательного, отпечатанного на машинке и размноженного на ротапринте университетского журнала.

И все же в 1984 году журнал прекратил свое существование. Как было объявлено в редакционной статье, дальнейшее продолжение издания не пред-

ставляется возможным из-за нехватки, с одной стороны, сотрудников-рецензентов (резко уменьшилось количество аспирантов-славистов в Гарвардском университете) и средств, с другой – из-за малого количества достойных внимания советских книг [25, р. 2]. Действительно, с начала 1980-х годов в СССР все реже выходят интересные работы. Эпоха брежневского «застоя» достигает своего апогея, интеллектуальная атмосфера становится особенно тяжелой, а заряд, полученный историками после разоблачения культа личности, к этому времени уже иссяк. Изменяется общенаучная ситуация и в самой Америке, в том числе в Russian studies. После периода бурного развития и энтузиазма 1960-х годов, отмеченных живым интересом американской молодежи к русскому «социалистическому эксперименту» и к русской «экзотике», наступает новый, более прагматический этап. Д. Энгерман характеризует его как «двойной кризис» 1970–1980-х годов, когда, с одной стороны, было урезано финансирование и закрывались некоторые институты, с другой – происходила переориентация вновь открывавшихся советологических учреждений, которые были нацелены на удовлетворение сиюминутных нужд практической политики [15, р. 235]. Все это, наряду с утратой широкого общественного интереса к СССР, привело к сокращению числа аспирантов-русистов в Гарварде. В результате редакторам «Критики» все чаще приходилось прибегать к помощи сторонних авторов, которые не участвовали в работе редколлегии. Все чаще на заседании присутствовали лишь трое-четверо человек, а то и того меньше, что превращало прежде увлекательное занятие по составлению и редактированию журнала в тягостную обязанность [25, р. 2]. Издание разделило судьбу многих неформальных начинаний, с течением времени выработавших свой ресурс. Однако просуществовало это автономное, независимое от факультетской администрации предприятие удивительно долго, ведь 20 лет – большой срок в рамках человеческой жизни (а именно «человеческое измерение» и следует прежде всего учитывать при оценке неформальных объединений). Думается, дело тут в силе первоначального импульса: высока была «волна» развития русских исследований конца 1950-х – начала 1960-х годов, на которой поднялась гарвардская «Критика».

В атмосфере увлеченной исследовательской работы журнал сразу же стал популярен среди американских историков-русистов. Как мне рассказывали, аспиранты других университетов читали его от корки до корки, кого-то он вдохновил на новые работы. Дональд Рейли, например, после чтения рецензии Уильяма Розенберга в «Критике» взялся за перевод огромной монографии Э.Н. Бурджалова «Вторая русская революция» и работал над ним в течение десяти лет (см. [12; 30]). Кто-то до сих пор хранит у себя все комплекты журнала. Короче говоря, издание получило большой резонанс в научном сообществе американских историков-русистов.

В Советском Союзе никакого резонанса, конечно, быть не могло. Для изучения вопроса о циркуляции журнала в СССР требуется обследовать крупнейшие библиотеки, опросить историков. Однако на примере

только одной из них – библиотеки ИНИОН РАН, бывшей Фундаментальной библиотеки Академии наук СССР – можно сделать какие-то предварительные заключения. Анализ формуляров хранящихся в библиотеке ИНИОН номеров «Критики» показывает, что журнал не пользовался популярностью у читателей. Во всяком случае, по сравнению с ведущими зарубежными изданиями – такими как *Slavic review* и *The Russian review*, хотя и их формуляры не выглядят переполненными. С уверенностью можно сказать, что «Критику» читали специалисты по истории дипломатии и международных отношений, а также по зарубежной историографии, в то время как специалисты по отечественной истории знали его мало (3). Здесь сказывалось прежде всего отсутствие языковой подготовки – знание иностранных языков не считалось необходимым для историка, занимающегося изучением прошлого своей страны. Да и обособление истории СССР от всеобщей истории становится в 1960-е годы особенно заметным. Разделение между мировой и советской историографией приобретает все черты «железного занавеса» именно в плане дисциплинарном.

В основе изоляции советской историографии лежали прежде всего идеологические установки: марксизм в самой своей ортодоксальной форме, провозглашенный «единственно верным» учением в познании истории, принцип партийности науки, убежденность в обладании «истиной в последней инстанции». Способствовал этому и общий психологический климат в стране, самоутверждавшейся после разоблачения культа личности путем отрицания «другого». Вспомним, что 1960-е годы – расцвет советского патриотизма и соревнования с Западом, когда шла борьба за приоритет России во всех сферах: русских инженеров и изобретателей (Попов против Маркони), ученых (Ломоносов против Лавуазье). Не могло это миновать и историческую науку, в которой было распространено, с одной стороны, высокомерное отношение к западным ученым, «слабо подготовленным методологически», поскольку они «не доросли» до марксизма, и к тому же не способным понять Россию с ее загадочной душой, а с другой – постоянное стремление доказать приоритет советской науки и дать отпор «буржуазным фальсификаторам» истории родной страны.

Кроме того, существовали и другие причины фактически отторжения западной науки советскими историками. В 1960–1970-е годы это был застарелый страх, доходивший порой, с точки зрения нашего времени, до абсурда. Я приведу здесь довольно известную «апокрифическую» историю, которая высвечивает многие грани этого явления. Когда-нибудь это будут называть «историческим анекдотом», но пока – рука не поднимается. В живом пересказе моей научной руководительницы Л.Г. Захаровой (аспирантки П.А. Зайончковского) это звучало так. Уважаемый питерский историк С.Б. Окунь звонит в Москву своему другу П.А. Зайончковскому: «Приезжаю завтра. – Что случилось? – При встрече». Как было заведено у Зайончковского, его аспиранты встречают Окуня на вокзале и привозят его домой к

Петру Андреевичу. Окунь бледен и молчит. «Что случилось, Семен?!» – уже кричит Зайончковский. «Американцы опубликовали на меня положительную рецензию. Что делать? Я хочу написать письмо в ЦК, что я с ней не согласен». У присутствующих ступор, но они смутно понимают бредовость этой идеи. Решают позвонить и посоветоваться с И.А. Федосовым, который жил в том же преподавательском доме и был в то время проректором МГУ. Приходит Федосов, который сразу же понимает серьезность ситуации, но ничего конструктивного предложить не может. Наконец, после затянувшейся паузы, лицо его светлеет, и он говорит: «Послушайте, но у нас ведь никто по-английски не читает!» Общее облегчение.

Однако вернемся к гарвардской «Критике». В условиях холодной войны чего, казалось бы, мог ожидать советский читатель от американского журнала с таким агрессивно звучащим для русского уха названием, да еще связанного с именем «пресловутого» Ричарда Пайпса, который ассоциировался тогда исключительно с клеветническими нападка на СССР (см., например, [5])? Советский ученый, живущий в атмосфере борьбы с «буржуазной наукой», заранее мог предположить, что перед ним идеологический орган, созданный с целью всячески принизить и извратить достижения нашей историографии. Дальше все зависело от предпочтений самого историка – раскроет он номер журнала или нет («Критика», как и большая часть американской периодики, не относилась к числу закрытых, спецхрановских изданий). Те, кто все-таки журнал раскрывали, могли найти в нем много для себя интересного и убедиться, что издание носило исключительно научный, а вовсе не идеологический характер, хотя и не во всем соблюдало академический стиль.

Рецензии на советские работы, при всей критичности, в целом были доброжелательны. Отдавая себе отчет, в каких тяжелых условиях проходит работа советских историков, американцы делали скидку на официальное давление. Тем не менее не всегда они могли избежать некоторого чувства превосходства – того, что Линн Виола назвала «папа лучше знает» [31]. И все же, если сравнить советские исторические журналы и американскую «Критику» 1960–1970-х годов, поражает выдержанность тона гарвардского журнала, позитивное отношение авторов и редакции к советским историческим работам. Обязательно признается все ценное, хотя очень подробно и критически разбираются недостатки. К ценному относились прежде всего введение в научный оборот новых источников, публикация документов и добротное изложение фактической стороны проблем. Критиковался, конечно же, классовый подход, притом чаще всего только там, где он мешал сделать адекватные выводы. В то же время критиковались и методические слабости, касавшиеся в первую очередь уровня анализа источников.

Показательно, что в «Критике» публиковались рецензии главным образом на книги по дореволюционной истории России. XX век представлен рецензиями на работы по истории революции, и совсем мало – не

наберется и двух десятков – по истории гражданской войны и 1920-х годов. И это особенно характерно на фоне того количества работ, которые выходили в СССР (например, по истории Октябрьской революции и гражданской войны только в 1956–1960-х годах было опубликовано около 7 тысяч книг, брошюр, статей и мемуаров) [8, с. 28]. Так что крайне политизированная история советского времени почти не нашла отражения в журнале, что вполне соответствовало его установке на научность.

Содержание журнала определялось главным образом научными интересами его сотрудников, но прежде всего – темами диссертаций. Уже в первых номерах были опубликованы рецензии на значимые работы, вышедшие в СССР, хотя далеко не все из них можно отнести к разряду «новых» и тем более «новаторских». «История государства Российского» В.Н. Татищева, «Крестьянское движение в России первой четверти XIX в.» И.И. Игнатович, «Очерки по истории опричнины» С.Б. Веселовского представляют собой «золотой фонд» историографии, публикация которого стала возможной после XX съезда. Тот же «оттепельный» заряд, несомненно, способствовал появлению книги Н.Г. Сладкевича «Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х – начале 60-х годов XIX в.» (рецензия Д. Филда) и «Экономической политики Временного правительства» П.В. Волобуева (рецензия У. Розенберга, он же отрецензировал монографию В.К. Гусева о левых эсерах). В 1964 году на страницах «Критики» нашли свое отражение такие значимые и «знаковые» для советской историографии тех лет публикации, как «Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.)» (рецензия Барбары Мергерян), «Реформы Ивана Грозного» и «Опричнина Ивана Грозного» А.А. Зимина (рецензии Эдварда Кинана и Джона Файна). Питер Кинез, в соответствии с кругом своих интересов, написал рецензии на книги А.О. Чубарьяна «Брестский мир» и А.Л. Фраймана о защите Петрограда в 1918 году; готовивший диссертацию по истории колхозного строительства Д. Малхолланд проанализировал материалы конференции 1961 года и книгу П.Н. Шаровой. Рецензирование литературы по советскому периоду и дальше носило в журнале столь же функциональный характер. Исключение составил юбилейный номер 1967 года к 50-летию Октябрьской революции, в котором наряду с Уильямом Розенбергом, рассмотревшим монографию Бурджалова «Вторая русская революция», приняли участие уже состоявшиеся к тому времени историки – Роберт Дэниелс, Теодор фон Лауэ и сам Пайпс, написавший рецензию на сборник документов Петроградского ВРК.

Указатель содержания «Критики» за 20 лет [20] позволяет, с одной стороны, очертить круг приоритетных областей – это интеллектуальная история, философия и методология науки, аграрная история, внутренняя политика, революционное движение, с другой – выявить наиболее значимые фигуры советских историков, которые привлекали внимание американских ученых. Здесь особенно выделяются А.А. Зимин и П.А. Зайончковский, а также Э.Н. Бурджалов. То, что именно эти советские историки

вызывали симпатии американцев, понятно. Это серьезные, талантливые ученые, которые в своих исследованиях не придерживались официальной линии, а часто и бросали вызов советскому историческому истеблишменту, что очень импонировало американцам и было созвучно общему ревизионистскому настрою, который начал превалировать в американской историографии в 1960-е годы.

Известно, что Зимин и Зайончковский очень активно общались с американцами, приезжавшими по обмену в СССР. Вокруг А.А. Зимина группировались гарвардские специалисты по Средневековью, в первую очередь, тесные контакты с ним поддерживал Эдвард Кинан. Необыкновенно теплый некролог, посвященный памяти Александра Александровича, он опубликовал в «Критике» [21]. Этот сюжет еще ждет изучения, но следует отметить весьма значительный корпус материалов по допетровской истории (приблизительно 70 из 250), который в пропорциональном отношении никак не соответствует ни объему исследований русского Средневековья в СССР и США, ни степени отраженности этих исследований в рецензиях других журналов. Совершенно понятно, что для будущих исследователей становления гарвардской школы русистики «Критика» явится источником первостепенной важности (первые шаги в этом направлении уже сделаны, см. [6]).

Чуть больший по количеству блок составляют материалы, посвященные истории России XIX – начала XX века. Наряду с традиционной историей революционно-освободительного движения они включают в себя тематику, на которую мало внимания обращала советская историография. Это история идей, печати и внутренняя политика царизма, в изучение которой большой вклад внесли многочисленные американские стажеры П.А. Зайончковского (многие из них считают его своим Учителем) (см. [1]). Несколько человек были в свое время аспирантами в Гарварде и, соответственно, являлись сотрудниками журнала «Критика». Это П. Кинез, Д. Орловски, Ч. Рууд, Т. Тарановски; особенно активным был Д. Филд, сотрудничавший с журналом с 1964 года в течение 15 лет и написавший 15 рецензий. В «Критике» были прорецензированы четыре монографии Петра Андреевича, а также работы ряда его советских учеников. Как вспоминал в личной беседе Д. Орловски, опубликовавший в журнале 5 рецензий, «Зайончковский тогда был нашим “героем”».

Действительно, авторитет этого ученого в США был очень высок: на английский язык были переведены три его монографии, в 1967 году он был избран почетным членом Ассоциации американских историков и год спустя награжден Гарвардской премией. В круг его научных интересов входили проблемы внутренней политики России XIX века, в том числе история Великих реформ, и прежде всего отмены крепостного права. Вопросы о предпосылках, непосредственных причинах и последствиях крестьянской реформы, которую американские историки признавали важнейшим

событием в истории России XIX века, равно как и история крестьянства, находились в 1960–1970-е годы в центре внимания как советской историографии, так и американской русистики. Солидный корпус материалов по этой проблематике, опубликованных в «Критике», позволяет составить представление о взглядах ряда американских историков на такие животрепещущие для того времени вопросы, как сущность и характер крестьянского сопротивления, община, социально-экономическая история крестьянства и, наконец, проблема перехода от феодализма к капитализму. Эти сюжеты тесно связаны с фигурой И.Д. Ковальченко, с которым, например, Д. Филд поддерживал дружеские отношения и чьи труды он разбирал на страницах гарвардского журнала.

Обращает на себя внимание и количество рецензий на книги по истории XVIII века в целом и русского Просвещения в частности – тематика, не слишком популярная в СССР. Вообще интеллектуальная история, которую активно практиковали в Гарварде еще во времена М.М. Карповича, явно сохраняла свои позиции в 1960–1970-е годы. Немалое место отведено и справочно-библиографическим материалам, а также сборникам документов, которые, несмотря на активно работавшую тогда программу научных обменов, сохраняли свое важнейшее значение для американских русистов. Поездки в СССР, да и доступ в архивы, были по-прежнему сопряжены с большими трудностями, что было связано не только с идеологическим диктатом советского научного истеблишмента, но и с чисто практическими особенностями жизни в Союзе. Ощущение некой «сегрегации» не покидало многих приезжавших в СССР в годы холодной войны [10].

Возвращаясь к метафоре, вынесенной в название статьи, можно сказать, что движение по «мосту» через Атлантику в 1960-х – начале 1980-х годов шло все же только в одном направлении. Важную роль в организации этого движения играли личные контакты американцев с советскими историками, однако, несмотря на часто дружеские отношения, до полного взаимопонимания было далеко. Особенно это касалось научных вопросов, о чем свидетельствуют, например, воспоминания Д. Филда [16] (4). Существовали серьезные барьеры, среди которых уже упоминавшийся страх далеко не всегда стоял на первом месте. Рассмотрим эту проблему подробнее на материале нашего источника.

Понимая значение личных контактов, редакция рассылала номера «Критики» некоторым советским историкам с просьбой прокомментировать ее содержание. Такая попытка была предпринята в отношении известного ленинградского историка Якова Соломоновича Лурье. Однако комментировать весь журнал Лурье отказался, поскольку материалы относятся к слишком разным областям русской истории. Он откликнулся лишь на рецензию Джона Файна на свою книгу «Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI в.» [13; 18]. Сам тон этих замечаний достаточно высокомерен – Лурье сразу же обвиняет американца в «потребительском отношении к

источникам» (5). Комментарии Я.С. Лурье и ответ на них Джона Файна оставляют впечатление разговора слепого с глухим. Эта особенность диалога была отмечена в рецензии Дэниела Филда на «Воспоминания и мысли историка» академика Н.М. Дружинина (М., 1967). Комментируя открытую Дружининым в журнале «История СССР» дискуссию с итальянским историком Франко Вентури [3], Филд отмечает, что она «проводилась (возможно, с умыслом) на взаимном непонимании» [17]. Думается, что умысла здесь все же было не так уж много. Слишком различались системы координат, в которых жили и мыслили два крупных историка.

Исключительно значимой и репрезентативной для истории исторической науки времен холодной войны является дискуссия между Э. Кинаном и Р.Г. Скрынниковым по поводу переписки Ивана Грозного и Андрея Курбского. Частичное отражение она получила и на страницах «Критики»: здесь опубликована огромная – на полжурнала – рецензия Кинана на книгу Скрынникова «Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана» и ответ на нее советского историка [23; 29] (см. также: [7]) (6).

Нужно сказать, что книга Скрынникова, выпущенная в пожарном порядке Ленинградским отделением издательства «Наука» в 1973 году, стоит несколько особняком в ряду многочисленных «разоблачительных» советских работ по зарубежной историографии, которые писались «профессиональными громилами» (выражение А. Каждана). В ней почти нет характерной уничижительной лексики, дискуссия ведется по линии исключительно научной: толкование источников и логика реконструкции прошлого. Однако общий вывод Скрынникова не оставляет у читателя сомнений относительно научной компетентности американского историка.

В своей рецензии Кинан ухватил самую суть противоречий: он писал, что в основе возмущения советского коллеги лежат различия в восприятии – а точнее, в понимании. При этом отсутствие взаимопонимания идет по трем линиям: языковой, методологической и эпистемологической. Во-первых, Скрынников не всегда понимал, что хотел сказать американский историк. Причем характерно, что большая часть отмеченных Кинаном ошибок в переводе лежит в области, казалось бы, языковых тонкостей, но в научном исследовании они имеют решающее значение. Там, где Кинан пишет «по-видимому», Скрынников читает «явно», где имеется в виду «быть может», он читает «определенно». Действительно, в англо-русском словаре для *apparently*, например, дается два ряда значений – «явно» и «видимо», но тот факт, что Скрынников выбирал именно такие варианты, свидетельствует о различиях научного языка и в конечном счете – стиля научного мышления. В методологическом отношении разница в подходах доводит до того, что Кинан в итоге просто отказывается оспаривать аргументы Скрынникова, потому что они лежат в совершенно иной плоскости.

Дискуссия Кинана и Скрынникова на страницах журнала обнажает не только различия во мнениях двух историков относительно понимания

исторического процесса. Она свидетельствует о разных нормах и ценностях, о разных критериях доказательности, о разных подходах к цели и результату научного исследования. Скрынников считает, что данные, почерпнутые из источников, следует добавлять, вписывать в уже давно сложившиеся оценки, а Кинан полагает, что эти данные как раз и должны дать историку возможность пересмотреть устоявшиеся представления. Здесь в силу вступает противоречие в стилях научного поведения. «Потрясение основ» не могло приветствоваться в советской науке, где скромность и уважение к авторитетам почитались за главные добродетели ученого, в то время как в американском научном сообществе (не только историческом) развенчание какого-либо традиционного постулата (мифа) считалось нормой для жанра case-study. И с этой точки зрения нет ничего удивительного, что в работе заокеанского коллеги советский историк увидел «претенциозность», «поиски дешевых сенсаций» и, наконец, «покушение на наше национальное достоинство» – и дал им адекватный ответ. Таким образом, отсутствие взаимопонимания вытекало не только из политических и идеологических установок, но и из различия исторического, культурного, бытового опыта. И особенно остро оно выражалось в профессиональном плане.

Учитывая сказанное, следует заключить, что материалы гарвардской «Критики» представляют первостепенную ценность как источник для изучения антропологии науки, причем в первую очередь советской историографии, которую в данном случае можно было бы увидеть глазами «Другого». Но и методология советских исторических исследований, подробно препарированная на страницах «Критики» с совершенно иных теоретических позиций, также предстает перед нами в новом свете. И наиболее ярко эти качества проявились в дискуссии по поводу книги Э. Кинана как случае крайнем, экстремальном, обнажающем противоречия и сложности взаимодействия двух историографий в годы холодной войны (7).

В то же время сюжет с «Перепиской» позволяет перебросить историографический «мостик» к дню сегодняшнему. В «Критике» нового тысячелетия представлены материалы, посвященные другой книге Кинана, вышедшей в 2003 году и пересматривающей на этот раз гипотезу о происхождении «Слова о полку Игореве» [22] (см.: [9; 11; 19]). Учитывая наличие откликов на эту книгу и отечественных историков, само собой напрашивается сопоставление современности с эпохой холодной войны (а также изучение человеческой и интеллектуальной роли А.А. Зимины не только в отечественной, но и в зарубежной науке). Но коль уж мы вернулись к метафоре моста, посмотрим, насколько она приложима к новому изданию, которое ни в коем случае не является «возобновленным», хотя и взяло за основу целый ряд принципов своего предшественника. Во-первых, это приверженность жанру расширенных рецензий, фактически статей, в которых подробно анализируются книги, иногда несколько сразу. Во-вторых – осознанное ощущение своей миссии, правда, теперь уже планетарного

масштаба. Журнал нацелен на создание «наднациональной» историографии России, для чего привлекаются научные силы буквально со всего света. Публикуя, в отличие от старой «Критики», серьезные концептуальные статьи, новый журнал ввел раздел «Реакция», где представлены иные точки зрения; большое место отводится так называемым «Форумам», где ученые из разных стран высказывают свои взгляды по той или иной актуальной проблеме исторической науки [4].

Все это работает на решение главной задачи по созданию наднациональной историографии России, а современные цифровые технологии сделали такой научный обмен совершенно доступным. И в конечном итоге, учитывая новые реалии, можно сказать, что в современной ситуации метафора «моста» представляется недостаточно адекватной, поскольку предполагает двустороннее движение (уместное в биполярном мире). Сейчас в работе журнала, преодолевая языковой барьер, все более активное участие принимают историки из разных стран – Германии, Италии, Франции и, конечно, из России, хотя их доля отнюдь не является преобладающей, как можно было бы (и хотелось бы) предположить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большакова О.В. П.А. Зайончковский и его американские ученики // Отечественная история. 2004. № 5. С. 158–177.
2. Данилевский И.Н. От интерпретации к пониманию: Традиции и перспективы // Диалог со временем. Вып. 4. М., 2001. С. 200–212.
3. Дружинин Н.М. Открытое письмо итальянскому историку Франку Вентури // История СССР. 1963. № 4. С. 182–187.
4. Дэвид-Фокс М., Холквист П., По М. Журнал «Критика» и новая наднациональная историография России (пер. С. Силаковой) // Новое литературное обозрение. 2001. № 50. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/50/devid-pr.html>.
5. Игрицкий Ю.И., Плимак Е.Г. Питомник клеветников (Русский исследовательский центр в Гарварде) // История СССР. 1961. № 5. С. 192–219.
6. Куренкова Е.А. Русское Средневековье в трудах Эдварда Кинана: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 25 с.
7. Скрынников Р.Г. Мифы и действительность Московии XIV–XVII вв. Ответ проф. Э. Кинану (в связи с его замечаниями на книгу автора «Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Э. Кинана») // Русская литература. 1974. № 3. С. 115–129.
8. Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. Ч. 1: История СССР. М., 1962. 362 с.
9. An interview with Edward L. Keenan // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history. 2010. Vol. 11, № 3. P. 457–466.
10. Adventures in Russian historical research: Reminiscences of American scholars from the Cold war to the present / ed. by S.H. Baron., Frierson C. Armonk, N.Y.: M.E.Sharpe, 2003. XXII, 272 p.
11. Agnew H. LeCaine. Josef Dobrovský: Enlightened hyper-critic or pre-Romantic forger? // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history. 2005. Vol. 6, No. 4. P. 845–855.
12. Burdzhaliyov E.N. Russia's second revolution: The February 1917 uprising in Petrograd / transl. and ed. by Donald J. Raleigh. Bloomington: Indiana University Press, 1987. XXII, 388 p.
13. Correspondence between prof. Luria Ya.S. and John Fine // Kritika: A review of current Soviet books on Russian history. 1965. Vol. 2, No. 2. P. 35–45.

14. Editors' preface // *Kritika: A review of current Soviet books on Russian history*. 1964. Vol. I, No. 1. P. 1.
15. Engerman D.C. *Know your enemy: The rise and fall of America's Soviet experts*. Oxford, N.Y.: Oxford univ. press, 2009. X, 459 p.
16. Field D. From the editor. Petr Andreevich Zaionchkovskii // *The Russian review*. 1983. Vol. 42, No. 3. P. IV–VII.
17. Field D. Rec. ad op.: Druzhinin N.M. *Vospominaniia i mysli istorika* // *Kritika: A review of current Soviet books on Russian history*. 1967. Vol. IV, No. 2. P. 40–47.
18. Fine J. V.A., jr. Rec. ad op.: Lur'e, Ia.S. *Ideologicheskaiia bor'ba v russkoi publitsistike kontsa XV – nachala XVI veka* // *Kritika: A review of current Soviet books on Russian history*. 1964. Vol. I, No. 3. P. 10–18.
19. Franklin S. *The Igor Tale: A Bohemian Rhapsody?* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history*. 2005. Vol. 6, No. 4. P. 833–844.
20. Index to *Kritika*, Vols. I–XX // *Kritika: A review of current Soviet books on Russian history*. 1984. Vol. XX, No. 1–2. P. 49–65.
21. Keenan E. A.A. *Zimin* // *Kritika: A review of current Soviet books on Russian history*. 1979–1980. Vol. XVI, No. 1. P. 1–4.
22. Keenan E. *Josef Dobrovsky and the origins of the Igor' Tale*. Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 2003.
23. Keenan E. Rec. ad op.: Skrynnikov R.G. *Perepiska Groznogo i Kurbskogo. Paradoksy Edvarda Kinana* // *Kritika*. 1974. Vol. X, No. 1. P. 1–36
24. Keenan E.L. To the editors // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history*. 2000. Vol. 1, No. 1. P. 1–2.
25. Keenan E.L., Pipes R. To our readers // *Kritika: A review of current Soviet books on Russian history*. 1984. Vol. XX, No. 1. P. 1–3.
26. Ostrowsky D. Rec. ad op.: Ia.S. Lur'e and Iu.D. Rykov, eds. *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim* // *Kritika: A review of current Soviet books on Russian history*. 1981. Vol. XVII, No. 1. P. 1–17.
27. Pipes R. To the editors // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history*. 2000. Vol. 1, No. 2. P. 435–436.
28. Pipes R. *Vixi: Memoirs of a non-belonger*. New Haven: Yale univ. press, 2003. XIII, 264 p.
29. Reply of R.G. Skrynnikov to E.L. Keenan's review // *Kritika: A review of current Soviet books on Russian history*. 1976. Vol. XII, No. 1. P. 50–61.
30. Rosenberg W.G. Rec. ad op.: Burdzhilov E.N. *Vtoraia russkaia revolutsiia* // *Kritika: A review of current Soviet books on Russian history*. 1968. Vol. IV, No. 3. P. 1–12.
31. Viola L. *The Cold War in American Soviet historiography and the end of the Soviet Union* // *Russian review*. 2002. Vol. 61, No. 1. P. 25–34.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например, аннотацию на монографию Л.В. Даниловой «Современная американская историография средневековой России» (М., 1964): «Монография вскрывает тесную связь официальной историографии США по истории России с задачами империалистической пропаганды, с политикой холодной войны правящих кругов и монополий США».
2. Данные на 2000 год [23, p. 1–2].
3. Данные до 1976 года. Кроме того, пометки на полях, сделанные рукой не стеснявшихся читателей, встречаются главным образом в рецензиях на книги о международных отношениях, хотя понятно, что далеко не все способны писать в библиотечных книгах и это лишь косвенные выводы.
4. Отмечая, что П.А. Зайончковский далеко не всегда разделял концепции своих стажеров-иностранцев и зачастую просто отказывался воспринимать категории зарубеж-

ной исторической науки, Филд приводит интересный диалог, высвечивающий не только личные и научные взаимоотношения учителя и ученика, но и степень взаимопонимания двух ученых, которые опираются в своих исследованиях на разный теоретический фундамент. Он состоялся вскоре после публикации в 1976 году книги Д. Филда «Конец крепостничества». Зайончковский, прознавший, что ученик «впал в ересь», учинил ему форменный допрос. Филд «что-то бормотал» о политической культуре, безуспешно пытался придумать русские эквиваленты терминам «структура и конъюнктура»... Наконец, Зайончковский резко оборвал его: «Даниил Ричардович! Давайте договоримся. Что вы признаете главной причиной отмены крепостного права: экономику, крестьянское движение или распространение гуманистических идей?». Филд «горячо (и искренне) ухватился за материалистический вариант и был восстановлен в своем ученичестве».

5. «Потребительское отношение к источнику» – выражение, бытовавшее в среде ленинградских историков в 1920–1930-е годы, означало произвольное цитирование нужных записей из летописных сводов разных эпох в противовес историко-текстологическому методу, предложенному А.А. Шахматовым (см. [2, с. 201–202]).

6. Ясно, что ответ Скрынникова был тщательно выверен и согласован не только с академиком Д.И. Лихачевым, активно включившимся в дискуссию, так что анализировать его следует соответствующим образом.

7. В продолжение темы на страницах «Критики» была опубликована рецензия на «Переписку Ивана Грозного с Андреем Курбским», изданную под редакцией Я.С. Лурье и Ю.И. Рыкова (Л., 1979) [26].

O.V. Bolshakova

**A Bridge across the Atlantic: American Journal «Kritika»
and Soviet Historiography during the Cold War**

Key words: Russian studies; Soviet historiography; Cold war; Russian Research Center in Harvard; history of science; methodology of history; historical source; Richard Pipes.

The paper examines the history of the «Kritika» journal published in Harvard University during the period of 1964–1984 under the aegis of Richard Pipes through the efforts of his postgraduate students. The main focus is on the value of the journal as a historical source shedding light on the history of American Russian studies and Soviet historical scholarship as well as an interaction of the two historiographies separated with the «iron curtain».